

ОРЕНБУРГСКИЙ ОБКОМ КПСС
УРАЛЬСКИЙ ОБКОМ КП КАЗАХСТАНА
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
АКАДЕМИИ НАУК СССР

**ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
ПУШКИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ**

К 150-летию оренбургской поездки А. С. Пушкина

ТЕЗИСЫ ДОКЛАДОВ

О Р Е Н Б У Р Г — 1983 г.

обследованы профессиональными пушкинистами и краеведами. Это открывает перспективу дальнейших разысканий и изучений, и можно надеяться, что исследователей ждут на этом пути новые находки, восполняющие наши представления об оренбургских страницах биографии и творчества Пушкина.

Н. Н. Петрунина

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» И ЭВОЛЮЦИЯ ПРОЗЫ ПУШКИНА

Проза Пушкина с первых шагов обнаруживает стилистические признаки, которые навсегда остались для нее определяющими. Это, однако, не отменяет вопроса об эволюции прозаического повествования поэта.

От ранних фрагментов, производящих впечатление сознательных экспериментов, зарисовок с натуры и разрешавших всякий раз локальные творческие задачи, Пушкин шел к сюжетному повествованию.

Найдя в «Повестях Белкина» тип повествования, где сюжетно-фабульные коллизии достаточно полно проявляли характер героя во всех его связях с социально-исторической жизнью, Пушкин далее постепенно усложняет культурно-психологический облик героя, а соответственно — связи его частной судьбы с историей.

При этом проза Пушкина сложно взаимодействует с его стихотворным эпосом, и во взаимодействии их можно различить ряд качественно своеобразных этапов. Болдинской осенью 1833 года процесс этот завершается: «Медный всадник» и «Пиковая дама» обнаруживают тесное родство проблематики и поэтики. Факт действительности соединяется в них с такими формами ее отражения, при которых в частном угадывается всеобщее, явления природы и жизни человека обретают исключительную смысловую насыщенность и символическую выразительность.

Развитие замысла «Капитанской дочки» определяли не только исторические изучения Пушкина. В ходе своего становления этот замысел впитал опыт «Медного всадника» (ср. функцию бурана в одном случае, наводнения — в другом; понимание личной трагедии героев как проявления трагической правды истории), а также обогатился рядом социально-исторических идей и сюжетно-фабульных коллизий, определив-

шихся в размышлениях над «Романом на Кавказских водах» и «Русским Пелагом».

Подобно тому, как это было в 1820-х годах в «Борисе Годунове», Пушкин обратился в «Капитанской дочке» к эпохе мятежа и самозванчества. Народ, который в «Борисе Годунове» «безмолвствует», обрел в романе свое лицо и голос. Новая историческая эпоха выдвинула новые исторические силы. Вот почему «странные» встречи Петруши Гринёва с Пугачёвым, самая возможность «дружбы» между честным дворянином и мужицким царем оказались в центре сюжетно-фабульных коллизий, обрели символическую значительность и стали средоточием исторической и нравственно-философской мысли автора «Капитанской дочки».

А. П. Чудаков

ПРИНЦИПЫ ВОССОЗДАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

«Капитанская дочка» — один из самых лаконичных исторических романов мировой литературы. Между тем при его чтении возникает впечатление полного, целостного воспроизведения исторической действительности. Создается это впечатление с помощью разветвленной системы специальных сигналов, рассредоточенных в тексте и рождающих нужный художественный эффект.

Случаи прямого воспроизведения речевых особенностей эпохи в романе не столь уж часты, архаические лексическо-семантические приметы минимальны и образуют лишь тонкий налет; в большинстве случаев это даже не собственно языковая архаичность, но некий намек на нее, ее образ и знак. Расставленные в семантически узловых точках повествования и диалога, сигналы «старинности» окрашивают соседние нейтральные участки текста в свой цвет и тон, создавая общее впечатление «непрерывного» воспроизведения речевых особенностей эпохи.

Предметный инвентарь «Капитанской дочки» исчислим и не идет ни в какое сравнение с картинами обстановки в романах Вальтера Скотта, М. Загоскина, А. Марлинского. Но, как и в языке, Пушкин при описании вещного мира дает такие опорные пункты читательскому воображению, что возник-

кает ощущение подробного изображения быта, интерьеров, пейзажей, батальных сцен.

Одним из главных способов воссоздания иной модели мира в пушкинском повествовании является постоянное сопоставление в нем этических, психологических — культурно-идеологических — представлений «века минувшего» и «века нынешнего». Оно осуществляется путем введения прямых высказываний рассказчика по поводу прошлого, однако главным образом сталкивание оценок и взглядов происходит в повествовании, формально таких высказываний не содержащем. Но в рассказ простодушного мемуариста проникают мысли, выходящие за границы его кругозора. Его повествование пронизывает ирония, принадлежащая иному типу сознания; эта ирония заставляет острее ощущать отличие идеологием изображаемой эпохи от позднейших.

Другой пушкинский прием, предвосхитивший аналогичный толстовский, — обозначение явления его традиционным названием, а затем срывание с него этого словесно-декоративного и предметно-декоративного облачения, обнажение его истинной сути. С этим связан и прием отстраненной рисовки явления в восприятии разных лиц (например, дуэли в характеристиках Василисы Егоровны, Ивана Игнатьевича, Савельича), что позволяет дать дифференцированное социально-психологическое изображение.

«Капитанская дочка», будучи произведением историческим и ведущимся от лица рассказчика, к тому же являющегося человеком другой эпохи, воплощает в себе тем не менее все основные особенности пушкинской прозаической манеры.

С. А. Фомичев

«КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА» В КРУГУ ПУШКИНСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ 1830-х ГОДОВ

Незавершенность творческого пути Пушкина подчеркивается многими оставшимися в черновиках планами и замыслами разнообразных произведений. В жанровой системе Пушкина 1830-х годов доминирующее положение постепенно занимают документальные произведения (исторические труды, очерки, мемуары); под документ имитируются и собственно художественные произведения («Путешествие в Арз-

рум», «Последний из свойственников Иоанны д'Арк», «Капитанская дочка»). Нарастающий интерес писателя к документальным жанрам очевидно следует рассматривать в качестве поисков им новым сфер и форм художественного творчества.

Поэзия Пушкина приобретает преимущественно медитативный характер. Центральной в ней становится тема странника, вырывающегося в мир природы, естественных чувств и отношений. Иную (на первый взгляд, противоположную) направленность имеют последние драматургические замыслы Пушкина: построенные на материале западноевропейского средневековья, все они намечались в виде драматических хроник, в центре которых — судьба героя, который из социальных низов «выходит в люди».

Основные тенденции позднего творчества Пушкина наиболее ярко прослеживаются в творческой истории романа «Капитанская дочка» (1832—1836). В судьбе Шванвича писателя привлекла коллизия поисков реальных путей преодоления социального и духовного раскола нации. Шванвич, однако, не годился в герои такого романа, так как он был дворянином-отщепенцем, духовно чуждым тому социальному движению, к которому примкнул, спасая свою жизнь. Оставшиеся же в разных станах герои, Петр Гринев и Емельян Пугачев, нашли тем не менее общий язык, почувствовали коренное духовное родство, при противоположности своих классовых интересов. Обстоятельства, определившие эту «странную дружбу», были, конечно, исключительными, но именно в них обнаружили — в повседневности отринутые — центростремительные силы нации.

Основной тенденцией творческих поисков Пушкина в середине 1830-х гг. стало стремление к синтезу естественного бытия и культуры, в равной степени противопоставленных современному социально-политическому укладу. Это между прочим объясняет название последнего романа Пушкина: в судьбе капитанской дочки писатель увидел реальное выражение этого синтеза.

Т. Н. Пузанова

ФОЛЬКЛОР ОРЕНБУРЖЬЯ В «КАПИТАНСКОЙ ДОЧКЕ»

Исследователи «Капитанской дочки» обычно подчеркивают тесную связь ее с фольклором. Но поскольку это произве-

ление создано Пушкиным на материале его оренбургской поездки; то вполне закономерно поставить вопрос и о месте фольклора Оренбуржья в «Капитанской дочке».

Как указывает оренбургский исследователь Н. Е. Прянишников, во время своего путешествия по Оренбургскому краю Пушкин «проявлял большой интерес к местному фольклору». Однако аргументировать это положение трудно, так как фольклорные записи Пушкина сохранились не полностью. Правда, исследователи предполагают, ссылаясь на воспоминания Даля, Ворониной, Кайдалова, и особенно Блиновой, что записей народных песен и преданий могло быть больше. Так, А. Д. Соймонов утверждает, что «оренбургские фольклорные материалы, услышанные и записанные Пушкиным, были весьма обширны».

Без фольклора, бытовавшего в местах Крестьянской войны под предводительством Пугачева, невозможно было воссоздать героический образ предводителя восстания, сказать о русском национальном характере.

В «Капитанской дочке» используются пословицы и поговорки, которые бытовали в XVIII—XIX вв. в Оренбургском крае. Народная разбойничья песня «Не шуми, мати, зеленая дубравушка», включенная в главу «Незванный гость», хотя и взята Пушкиным из сборника М. Чулкова в записи XVIII века, но могла быть услышана им и во время поездки в Оренбургскую губернию, так как текст этой песни был записан в нашем крае семьей Языковых (для собрания народных песен П. В. Киреевского) во второй четверти XIX века. Песни, используемые в качестве эпиграфов к главам романа, также известны в Оренбуржье, о чем свидетельствуют записи, сделанные оренбургскими собирателями народных произведений.

В «Капитанскую дочку» (гл. «Мятежная слобода») включена «калмыцкая сказка об Орле и Вороне, которую рассказывает Пугачев Гриневу. В известных записях оренбургского фольклора точно такой сказки нет, но противопоставление орла как символа вольности, силы и власти, и ворона, питающегося мертвечиной, характерно и для казачьих песен и для казахских и башкирских преданий и сказок, бытующих в Оренбургском крае.

Включение в «Капитанскую дочку» тех фольклорных произведений, которые бытовали в Оренбуржье, помогло Пушки-

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Белый А. И., Большаков Л. Н., Никифорова Ю. В.,
Попов С. А., Прийма Ф. Я., Трофимова С. В., Фомичев С. А.

